

УДК 882.09: 398

ЖАНР БЕЛЛЕТРИЗИРОВАННОГО РАССКАЗА О ЦЕРКВИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. Н. КРУПИНА

И. А. Казанцева

Тверской государственный университет
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью

Статья посвящена выявлению связи между жанровыми признаками беллетризованного рассказа о церкви в творчестве В. Н. Крупина и методом духовного реализма, свойственного современному писателю. Автор доказывает, что в основу художественного решения литератора положена концепция мира и человека, традиционная для христианских источников.

Ключевые слова: *беллетризованный рассказ о церкви, православие, художественный метод*

Православный публицист и писатель В. Н. Крупин, которого последнее десятилетие всё чаще так называют, определил своё кредо ещё в 90-е гг. XX в. следующим образом: «Теперь, уже насовсем, литература для меня средство и цель приведения заблудших (и себя самого) к свету Христову» [4, с. 90]. Вся его деятельность и творчество – тому подтверждение. Последние книги В. Н. Крупина, как правило, отражают три важнейшие проблемные линии его творчества, три тропинки этой единой дороги к Богу. Первая – рассказы о паломничествах и русских святых, вторая – рассказы о детях, третья – рассказы-притчи о сущности православного мировоззрения, проявляющегося в поступках и словах и высвечивающегося в символике обрядовой стороны церковной жизни. Осознавая условность такого разделения, заметим, что не случайно «рассказами о церкви» названы при издании произведения, включающего цикл о детстве (В. Н. Крупин «Время горячей спички» [3]). Они, как и все произведения на подобную тему, раскрывают грани характера русского человека, прекрасного в своей вере.

Все произведения данных групп объединяет личный опыт поиска пути к Богу, без которого немислима вера для автора, человека с православным мировоззрением. Конечно, большая часть таких книг рассчитана на узкий круг людей, поскольку чёткость и однозначность авторской позиции, морализаторство и жёсткая критика реалий современной жизни, подчинённой культу потребления, сужает ряды почитателей творчества прозаика, но ведь задачи литератора, работающего в рамках беллетризованных рассказов о вере, иные. На наш взгляд, среди произведений В. Н. Крупина наиболее удачными с художественной точки зрения оказываются те произведения, которые посвящены детям и воспоминаниям о собственном детстве и созданы в малой жанровой форме рассказа. Именно в них автору удаётся избавиться от однообразия в обрисовке сюжетных ситуаций, от назойливой эксплуатации мифов о России, от осуждения позиции, расходящейся с авторской. Для литературоведческой статьи, конечно, прежде всего представляет интерес анализ причин того, за счёт чего достигается этот эффект. Как при сохранении православного сущностного ядра метода автор говорит легко о серьёзном, «переводит» сложные духовные представления на доступный для понимания «малых сих» язык?

Заглавие сборника В. Н. Крупина «Босиком по небу» [2], включающего повесть и рассказы о детях, является своего рода камертоном всей книги и творчества последних лет. Аналогичное заглавие произведения, входящего в сборник, распространяет определение «Босиком по голубому небу». Метафора запечатлевает одно из основных стремлений зрелого В. Н. Крупина – соединение небесного и земного через конкретику быта, тесно связанного в нашем сознании с корнями, землёй, с направленностью к вертикали, в нашем воображении, закреплённом образом неба. Появление цвета, расширяя возможности ассоциативного ряда, заданного заглавием сборника, также обращает читателя к соединению обыденного и духовного. В произведении цвет неба раскрывается как поле цветущего льна, как образ Руси, «светлого места» («русь» в некоторых северных диалектах означает «светлое место»), пространства озёр и рек. Небо и небесный цвет в книге становятся лейтмотивными, открывающими сакральное пространство и восходящими к символике цвета одежд Богородицы.

Данный рассказ представляет собой достоверное свидетельство, пересказ много раз слышанной от матери истории: «И вот – решил его записать» [2, с. 266]. Автору удалось «схватить» и передать мгновение преобразования природы («цветущий лён» – «уснувший лён»). Далее уже взрослый повествователь, который тождествен автору, «соединяет» зримое и незримое, обращая читателя к цитате из «Откровения» Иоанна Богослова: «Перед Страшным Судом выйдут семь Ангелов, одетых в льняную одежду и опоясанных льняными поясами, и выльют на землю семь чаш гнева Божия» [2, с. 269]. В тексте возникает прозрачная отсылка к образу Богородицы «Благодатное Небо», иконография которой сложилась, благодаря следующим словам Откровения: «И явилось на небе великое знамение: жена, облечённая в солнце; под ногами её луна <...>. И родила она младенца мужеского пола, которому надлежит пасти все народы жезлом железным...» (Откр. 12; 1, 5). Возможны не только вербальные аллюзии, но и визуальные, тогда в восприятии читающего вновь возникает образ Богородицы с акцентом на символическое голубое (синее) облачение, прикрытое красным мафорием, символизирующим соединение Девства и Материнства Богородицы, земного и небесного начал в ней. Как справедливо отмечает И. К. Языкова, «Богородичная догматика основана на тайне Боговоплощения, и через образ Богородицы раскрывается нам глубина богочеловеческих отношений. Мария, давшая жизнь Богу в его человеческой природе, становится матерью Бога (Богородицей); Тварь вмещает Творца. Тайна Богоматери в том и состоит, что через Девство и Материнство Она является новой тварью. И почитание её связано именно с этим» [6, с. 88].

В народной традиции Богородица часто представлена близкой к Богу посредницей между ним и людьми. Очищенная от умствований сердечная вера, близкая к наивной вере ребёнка, соединяет её образ с ходящей за человека, перед своим сыном доброй матерью. Подобное прочтение образов матери составляет структурный и эмоциональный стержень рассказов Крупина. В образе собственной матери и во всём многообразии героинь-матерей автор объединил мотив жертвенности («Утя», «Женя Касаткин», «Молитва матери», «Босиком по голубому небу» и др.). Целостность галереи придаёт, конечно, её «вырастание» из православной традиции. В рассказе «Марина-Марин» в передаче легенды, когда-то услышанной от матери, воспет именно подвиг женщины, раскрытой в своём подвижничестве материнском служении. Отцовская тема заявлена пунктирно, скупое, суровое. Объясняется это, скорее всего, обращением к истокам народного варианта православия. Воспетая народным сознанием близость Богородицы к человеку в

своей эмоциональной, наивно-детской вере, созвучной именно женской природе, воспроизведена на страницах книги в объёмном метафорическом окружении легенды, воспоминания, были.

Линия отца реализована в саморефлексии повествователя. В одном из центральных рассказов «Отец, я ещё здесь» он представлен опосредованно в оценке близкого родственника, которому отец героя заменил родного. Внешне незначительное отцовское (отеческое тоже) присутствие в жизни повествователя вырастает до той неизменной постоянной величины, без которой его существование, рост и земной уход немислимы. Эффект введения посредника тем значительнее, чем выше тональность воспоминаний о родителях. Предшествует им отсылка к паломничеству в Святую Землю и Вятку. Сближение постепенно разворачивает перед читателем картины детства и косвенного присутствия отца: «Святая Земля всегда со мною в молитвах..., в церкви, а родина... родина тоже близка» [2, с. 147].

Земное и небесное в своей неразрывной слитности задаётся темой неба, образ которого становится главным в рассказах: «И всегда-всегда высота разноцветного неба. И облака, белые на голубом. И тучи, серые на тёмном. Страх, почтение, восторг – всё наполняло душу» [2, с. 147]. Более резкие, лаконичные, немногословные образы, окружающие тему отцовства, придают законченность и надёжность образу семьи, рода, корней, одновременно открывая тему в бесконечность будущей вечной жизни. Происходит это благодаря утверждению конкретики фундаментальных ценностей православия – обожения плоти и спасения души.

Рассказ «Главное причастие» – кульминация цикла, в нём представлено, как «свершилось главное событие моей жизни – я причастился у Гроба Господня» [2, с. 111]. Показательно, что предшествует этому рассказу другой, в центре которого даны бытовые детали земного окружения героя в детстве. «Река Лобань» – рассказ, в котором слилось восхищение ребёнка Творением Божиим – природой – и мастерство взрослого человека, писателя, сумевшего передать глубину и символичность земного пейзажа, укоренённого в сознании связью с Творцом и со всей «учительской» духовно-спасительной традицией русской классики. Аллюзивный план открывает для нас стремительную в своём порыве к Богу душу Н. В. Гоголя, а затем вновь ведёт к Откровению Иоанна Богослова, подготовив развитие «Главного причастия»: «И редкие птицы будут лететь над серединой Лобани, и будут забывать о своих делах, засмотревшись в её зеркало <...>. Все боли, все обиды и скорби, все мысли о плохом исчезнут навсегда в такие минуты. Только воздух и небо, только облака и солнышко, только вода в берегах, только родина во все стороны света, только счастье, что она такая – красивая, спокойная, добрая...» [2, с. 108].

Открыто прозвучав в кульминационном рассказе, тема пути человека к Христу («Но то, что человек приходит к Христу, – это главное дело жизни. Отсюда и смысл её – спасение души» [2, с. 112]), тема небесная вновь уходит за конкретику человеческой жизни. Аллюзии на святоотеческую традицию завершают рассказ: «Потом прочёл я об этих минутах, что чуткие души слышат, как плачет умирающий день. Конечно, я буду плакать перед смертью: я так много свершил плохого, так многих обидел, столько принёс родным и близким огорчений, что буду просить всех о прощении» [2, с. 112]. В следующей зарисовке показана одна из ценностей, «молчание», в реалистично-конкретной ситуации материнского горя и подвига самоотвержения (рассказ «Утя»). Чудо по молитве матери, воссозданное писателем в «Уте», станет основным в одноимённом рассказе-притче, переданном в истории, услышанной от священника («Молитва матери»).

Образно-ассоциативный ряд произведений передаёт сложную гамму оттенков, вышедших из библейской и святоотеческой традиции, обнаруживая связь земного и небесного в слове писателя. Ретардация после кульминации в рассказе «Японский лифтёр» возвращает нас к теме родины в «Красной горе», когда вновь возникнет детство, происходит сакрализация места рождения. Увиденная «гибель Атлантиды» приводит к исполнению наказа святого Серафима Саровского. «Прежде, чем кого-то спасать, надо спастись самому» [2, с. 140]. Тема Промыслительности не может не сопровождать героя по тропинкам его родины, Вот представился случай «для проверки смирения» [2, с. 141], вот итог путешествия по новой неузнаваемой родине: «Нельзя, нельзя, – думал я, – нельзя сильно любить жизнь. Любая вспышка гаснет. Любая жизнь кончается. Надо любить вечность. Наше тело смертно, оно исчезнет. А душа вечна, надо спасти душу для вечной жизни» [2, с. 144]. И далее гимн жизни, гимн Творению, в котором «тихое голубое свечение васильков во ржи», «висящее меж небом и землёй серебряное горлышко жаворонка» [2, с.144], но «цеплялся за прошлое, извиняя себя, теперешнего, нахватавшего на душу грехов, и как хорошо, и как целебно вылечила меня исчезнувшая плоти́на» [2, с. 144].

Традиция просматривается сквозь образно-метафорический ряд, через который не нужно пробираться к смыслу, ибо он ясен и прост одновременно, подобно сложности духовного устремления человека к Богу. Возникает яркий, имеющий библейский источник, образ зеркала, в которое погляделся герой, и увидел своего врага («Зеркало»). Затем следует рассказ «Ночью» – лирическая миниатюра, в которой продолжена предыдущая тема и намечена следующая – ясность дня, чуткость души «огромное, золотое с белым поле гречихи» [2, с. 184] как «одно из лучших воспоминаний о жизни» [2, с. 184]. И в следующем – «Баня горит» – в конкретном событии, поведении героинь запечатлена обращённость к ценностям открытой и стыдливой души. Пласт обыденности развёрнут в рассказах, в центре которых бытовые события. Рассказы-притчи чередуются с ними, уравнивая в восприятии читателя обыденные события с чудесными, так через конкретику всегда просвечивает у В. Н. Крупина образ иного мира. Завершающие «Босиком по голубому небу» и «Бумажные цепи» придают целостность концепции мира и человека, который устремлён в своей земной жизни к той, что ждёт за её пределами.

Цикл рассказов о детях и «для детей и взрослых» (как сказано в подзаголовке) без морализаторства и дидактичности, но с «воспитательной» просветительской интонацией предлагает юному читателю пройти вместе с автором путь, ведущий, по В. Н. Крупину, к главной цели человеческой жизни. Весь гражданский и творческий опыт способствует воссозданию целостности картины реальности.

В. Н. Крупин обращается к библейской и святоотеческой традиции, опирается на воспоминания детства, свой опыт восхождения к Христу, для чего широко использует инструментарий художника-реалиста, передавая нераздельность земного и небесного, зримого и незримого. Для достижения своей цели автор апеллирует к притчеобразным сюжетным ходам. Возникает объёмная художественная картина, связывающая земное и небесное. Так, мать героя не наказывает, а единственное «стояние» в углу за какую-то серьёзную провинность вызывает не обиду и злость, но уверенность в справедливости материнского суда.

Резюмирующие слова рассказа подкреплены жестом матери, уподобляющим давнее «стояние» и нынешнее: «Сейчас у тебя другое стояние. – Мама показала на красный угол, на иконы» [2, с. 269]. Так, через образы матери, цветущего

льна из конкретики земной жизни читатель «приподнимается» до созерцания образов Богородицы, посредницы между человеком и Богом.

Сборник «Босиком по голубому небу» носит итоговый характер, фактически завершает сборник рассказ «Бумажные цепи». Вновь заглавие одновременно «удерживает» тональность бытовой и духовной реальности. В заключительном произведении книги проговаривается и иллюстрируется ситуация, переданная устами автора-повествователя: «И вот я, понимающий, что в моей жизни всё прошло, кроме заботы о жизни души, думаю теперь, что именно этими бумажными цепями я не ёлочку украшал – я себя приковывал к родне, родине, к детству. И приковал. Приковал так крепко, что уже не откуюсь. Многие другие цепи рвал – эти не порвать. И не пытаюсь, и счастлив. Что они крепче железных» [2, с. 277–278].

Таким образом, выбор адресата, ориентированного на семейное чтение, создаёт исключительно благоприятные возможности для реализации жанра беллетризованных рассказов о церкви, одним из основателей которого является писатель В. Н. Крупин, ставший первым лауреатом Патриаршей литературной премии. Рассмотренные в статье художественные особенности формируют специфику данного жанра, признаки которого нуждаются в дальнейшем изучении. Метод духовного реализма, в основополагающих чертах теоретически обоснован в монографии А. М. Любомудрова «Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелёв» [5]. Имя В. Н. Крупина введено в круг писателей подобного плана, когда литературовед определяет перспективное направление его современных модификаций. Сам же писатель в очерке, написанном для много томного труда М. М. Дунаева «Православие и русская литература», скажет: «Только вмешательством Божиим в судьбу России можно объяснить все ключевые моменты русской истории. Москва – не третий Рим, а Иерусалим Нового Завета, Дом Пресвятой Богородицы <...>. Россия – православное государство, и для нас нет вопроса: вы за Христа или за Россию. “Удручённый ношей крестной”, ходил и ходит по России Спаситель, это главное наше счастье» [1, с. 482–483].

Данная установка становится ключевой для мировоззрения художника, воссоздающего концепцию мира и человека в рамках духовного реализма, что определяет специфику его творчества.

Список литературы

1. Дунаев М. М. Православие и русская литература: В 6 т. М.: Христианская литература, 2004. Т. VI/1. 512 с.
2. Крупин В. Н. Босиком по небу. М.: Сибирская Благовонница, 2011. 287 с.
3. Крупин В. Н. Время горячей спички. М.: Эксмо, 2013. 416 с.
4. Крупин В. Н. Слава Богу за всё: путевые раздумья // Наш современник. 1995. № 1. С. 89–101.
5. Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелёв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 272 с.
6. Языкова И. К. Богословие иконы. – М.: Изд-во общедоступного православного университета, 1994. 212 с.

THE GENRE OF THE FICTIONALIZED STORY ABOUT THE CHURCH IN KRUPIN'S WORKS

I.A. Kazantseva

Tver State University

The department of journalism, advertisement and public relation

The article is devoted to revealing the relationship between the genre of the fictionalized story of the church in V. Krupin's works and the method of the spiritual realism. The author argues that the concept of world and the man of the writer is based on the tradition of Christian sources.

Keywords: *the fictionalized story about the church, artistic method, Orthodoxy*

Об авторе:

КАЗАНЦЕВА Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: irina10768@mail.ru.